

СКАЖИТЕ, ДОКТОР

**Ведущий рубрики - доктор
Шаевич**

- Янкель, а давай я тебе ко Дню рождения шикарный подарок сделаю, - Сергея Петровича нетрезво качнуло к имениннику, поставив его перед внезапно возникшей дилеммой: какой из обеих занятых рук опереться о стол, чтобы не упасть. Правой - с четвертинкой домашнего малосолевого огурчика, или левой - с рюмкой водки. В итоге огурчик оказался на полу, и Сергей Петрович, не заметив потери закуски, переспросил:

- Хочешь?

Юбилей начинал плавно переходить в завершающую фазу «А ты меня уважаешь?».

Время было позднее, все гости давно уже разошлись, и только Сергей Петрович оставался за столом. Но не потому, что он был самый стойкий или близкий, - просто от квартиры именинника до его дверей надо было повернуть направо и сделать один шаг. В буквальном смысле этого слова. Они были соседями по лестничной площадке. Но даже в этот «долгий и мучительный» путь Сергей Петрович пускаться не решался.

Его супруга помогала жене юбиляра убираться на кухне, бросая тревожные взгляды на мужчин и размышляя, в какой удобный момент кинуться своим телом на амбразуру и оторвать мужа от застолья. А сделать это надо было так, чтобы не нарушить гармонию процесса, но в то же время и не пропустить стадию потери мужем собственного лица, которым он очень дорожил.

Мужчины (а впоследствии и их семьи) были знакомы уже целую вечность - с детства. Они неоднократно пересекались в школе, потом в каких-то общих студенческих компаниях. А пару лет назад так вообще одновременно получили квартиры «дверь в дверь» в недавно построенном обновлённом «хрущёвском» доме улучшенной планировки.

Кроме них на лестничной площадке были ещё двое соседей.

Самая большая квартира принадлежала Нелли - заведующей каким-то особым складом на какой-то важной промышленной базе, торгующей чем-то страшно дефицитным. Нелли была женщиной красивой, умной, деловой, но очень неудачно влюблённой в своего беспутного мужа. Разбалованный обожанием собственной жены, он любил красивую жизнь и красивых, в основном чужих, женщин; предпочитал хорошо выпить и вкусно поесть. Он никогда и нигде не работал и принимал свою супругу как заслуженное приложение к его мужской неотразимой

привлекательности. В итоге Нелли всё-таки попала на восемь лет туда, куда и должна была попасть. С конфискацией имущества. Супруг прошёл по делу как свидетель, три месяца кутил, и когда деньги закончились, внезапно исчез. Нелли вернулась через пять лет - притихшая и потерявшая былую привлекательность.

Четвёртыми соседями по лестничной клетке была семья слесаря вагоноремонтного завода - передовика производства, состоящая из него, такой же сильно употребляющей жены и их дочери Тани - девушки некрасивой, малоприметной и сильно закомплексованной. К тому же «награждённой» пьющими родителями явным врождённым физическим недостатком - отсутствием части левой руки от локтя. И столь же явным приобретённым - острым социальным пофигизмом. Любимым Таниным выражением была фраза «Та хай меня ранит», употребляемая ею по любому поводу и меняющая смысловую нагрузку в зависимости от интонации.

Фраза понравилась, стала нарицательной и пошла в народ, пожизненно оставшись в лексиконе многих обитателей подъезда.

Сергей Петрович Волосков был человеком интеллигентным, считал себя весьма образованным, а также слыл хорошим знатоком литературы и музыки. Выпивал он непривычно в меру: не часто и не со всеми, не опускаясь до дворовых церемоний распития алкоголя на свежем воздухе.

К необходимости блюсти собственное реноме его заставляла должность директора городской центральной музыкальной школы - должность номенклатурная, престижная, с положением, и не без некоторых дополнительных материальных благ.

- Янкель, хочешь? Ты же знаешь, я для тебя... да я... Хочешь, сына устрою в музыкальную школу без экзамена? Хочешь? Ну и что, что учебный год уже три недели как начался, а мы экстерном. Я что, не директор, или где?! - количество выпитого придавало смелости.

И уровень воды в море опустился уже даже ниже колена.

Янкель хотел. И ему было торжественно, с пожатием рук, обниманиями и лобызанием, а также демонстративным привлечением свидетелей - растерянных жён - обещано. И не менее помпезно договорено, что послезавтра, в понедельник, в 15:00 мальчика должны будут привезти с документами для «безоговорочного и всенепременного» приёма в музыкальную школу.

В понедельник голова мучительно болела не только у Сергея Петровича, или как его все за глаза называли в школе - «СП». Не менее удачные выходные были и у двух других преподавателей школы, вызванных-таки на прослушивание, чтобы определить, с каким именно инструментом юное дарование должно будет покорять мировые музыкальные вершины.

Дарование при этом безбожно фальшивило тоненьким

фальцетом, сбивалось с простенького ритма и не отличало фортепиано от контрабаса. Лица присутствующих выражали крайнюю степень мучения, сострадания, озабоченности и... жажды. Но нарушить данное директором указание «принять мальчика в любом случае, даже если он окажется слепоглухонемым», не решались.

- Дорогая, пойми, - Сергей Петрович болезненно щурился и прятал глаза, оставшись наедине с мамой мальчика, - он у вас ребёнок способный, но... к содержанию, не к музыке. Поэтому фортепиано... ну не его это инструмент. А может, давай лучше на скрипку?! Там и платить меньше, и рояль покупать не надо, да и конкурса нет, - Волоскова озарило этой идеей в полном убеждении, что мама откажется. Но еврейская мама не отказалась, и мучительное решение было принято.

Размышляя, кому из педагогов доверить самое ценное - музыкальное образование отрока - директор решил отдать его на растерзание Олегу Ивановичу Уколову - личности знаковой и даже известной, хоть и не всегда с положительной стороны.

Волосков и Уколов знали друг друга много лет. Познакомились они ещё в музыкальном училище, где Сергей занимался по классу аккордеона, а Олег подавал большие надежды, побеждая на всех местных конкурсах по классу скрипки. По окончании они вместе поступили в консерваторию, куда Олега приняли, ввиду исключительных способностей, сразу после прослушивания, без обычных экзаменов. Зато Сергею пришлось поменять профиль на дирижёрско-хоровое отделение, не пройдя по конкурсу по своему инструменту.

В консерватории Олег сразу пошёл вверх, побеждая уже на всесоюзных и даже международных конкурсах. Ему прочили большое будущее и видели в нём новое дарование скрипичного искусства.

В это же время Сергей стал сначала комсоргом курса, затем вошёл в комсомольское бюро и на четвёртом курсе своевременно вступил в партию, закончив высшее музыкальное заведение с красным дипломом.

После окончания его пригласили работать в родном музучилище преподавателем сольфеджио и завучем по внеклассной работе. Однако он не оставлял и комсомольской линии, став сначала приглашённым, а потом штатным инструктором и членом бюро райкома комсомола.

Олега пригласили в столицу, он начал гастролировать, выезжать за границу, участвовать в конкурсах. Его имя постепенно приобретало известность, а лицо стало появляться на афишах.

Хотя пути друзей разошлись, Сергей продолжал издали наблюдать за успехами старого товарища, одновременно и радуясь за него, но и не без

некоторой доли благородной, как он считал, зависти. И даже гордости от некоторой причастности к великому. Годы шли, бывшие однокашники общались всё реже, почти перестав созваниваться, а вскоре и вовсе потеряли друг друга из виду.

Проработав несколько лет в музучилище и став членом бюро райкома партии, Волосков всё чаще с грустью вспоминал о своих нереализованных юношеских мечтах. Он нередко задумывался о том, что помешало ему стать настоящим музыкантом, и всё чаще тяготился своей возрастающей отдалённостью от истинного искусства. Поэтому когда внезапно освободилось место директора городской центральной музыкальной школы, он, словно ожив, не без протекции райкома и приложив немалые усилия, получил эту должность. Как он любил впоследствии говаривать, «стал у истоков первичного естественного отбора молодых дарований».

Правда, новая должность требовала всё больше организационных и управленческих талантов, но Сергей Петрович всё равно чувствовал себя наконец-то в своей тарелке. И по-прежнему восторженно замирал в школьном коридоре от разноголосья инструментов, приглушённо доносившегося из-за двойных репетиционных дверей. Он даже взял себе двух способных учеников и стал вести у них занятия по аккордеону.

С тех пор, как Олег уехал работать в столицу, прошло много лет, и о нём уже давно ничего не было слышно. Как-то директор решил поинтересоваться у своих сотрудников-скрипачей, не слышал ли кто что-то новое об Уколове: где он, что он.

Оказалось, что Олег давно уже не выступает и не гастролирует. По слухам вроде вернулся в родной город и работает в оркестре областной филармонии. Говорили, то ли третьей, то ли четвёртой скрипкой. Другие же утверждали, что он уже давно оттуда уволен за появление на работе в нетрезвом виде, а то и вовсе из-за регулярных пропусков и срыва репетиций. И подвизывается в настоящее время лишь случайными подработками, опустившись на самое дно.

Волосков искренне расстроился. Он навёл кое-какие справки и вскоре выяснил, где живёт Олег. Не без раздумий, он всё же решил, что обязан проведать старого друга.

На самом деле всё оказалось не так уж и драматично, как говорили, хоть и совсем не радужно. Уколов жил в коммуналке, жил пьяно, запущенно, бедно и одиноко. Мебель и вещи были проданы и пропиты, а единственным ценным, что у него оставалось, была та самая скрипка, купленная ещё в Торонто много лет назад на премию за победу в международном конкурсе. Семья распалась, жена давно от него ушла, забрав ребёнка. Работы не было. Если не считать трёх вечеров в неделю в ресторане, где он играл в ансамбле на гитаре, получая копеечные гонорары, да и то всё больше в натуральном виде.

Всё же Волосков был неплохой мужик. В нём проснулись почти забытые и давно не проявлявшиеся человеческие доброта и сострадание. Он поднял все свои райкомовские и директорские связи и уже через две недели устроил Олега на постоянную работу гитаристом в оркестр городского цирка. Хоть это было и не престижно, но всё-таки стабильный заработок и надежда на лучшее.

Взяв с Уколова честное мужское слово больше не пить... так много, Волосков одолжил ему денег на костюм и пару новых рубашек. А вскоре Сергей Петрович не без колебаний и сомнений выделил бывшему однокашнику два преподавательских часа в неделю в своей музыкальной школе, понимая, как сильно рискует собственной репутацией.

Олегу Ивановичу дали пока одного-единственного ученика. Тем самым он получил своеобразный испытательный срок и возможность сделать первый шаг в новую жизнь. Или хотя бы ещё один последний шанс её начать. И этим учеником, которым рискнул директор школы, был сын его соседа Янкеля.

Они сдружились сразу: учитель и его ученик. Может, почувствовали друг в друге родственные души, а может, жизненная потерянность и бесперспективность одного и совершенная окончательная бесталанность в музыке другого (кто знает?), но преподаватель вдруг стал гораздо реже пить, а ученик прекратил устраивать каждый раз истерики, отказываясь идти на занятия по скрипке.

Жизнь пошла своим чередом: в течение недели Уколов преподавал в школе, а по выходным играл в цирке.

И по субботам рядом с ним, на ступеньках в ложе для оркестра, частенько сидел его единственный ученик. И не известно, кому из них всё это было больше нужно.

На уроках, признаться, они мало занимались самой скрипкой. Олег Иванович многое повидал в своей жизни, был начитан и слыл неплохим рассказчиком. А мальчик оказался хорошим слушателем, внимавшим историям учителя о заморских странах и известных музыкантах, писателях и учёных с открытым ртом.

Иногда, под настроение, учитель брал свою скрипку и начинал играть сам, и тогда в комнате останавливалось время. А у мальчика от счастья замирало сердце.

Сложившейся ситуацией все были довольны: и Уколов, выпивающий теперь крайне редко, и директор Волосков, доверивший другу уже даже школьный скрипичный оркестр, и родители мальчика, глядя, как сын с удовольствием ходит на занятия.

К сожалению, два раза в год их отношения омрачались: наступала пора академических

концертов. А значит, надо было показывать результаты учёбы. И тогда начинался, как говорил Олег Иванович, мозговой штурм. Две недели перед экзаменом они занимались каждый день по несколько часов. При этом оба преображались, подтягивались, собирались с мыслями и силами, стараясь доказать всем, что они оба, хоть и каждый по-своему, но чего-то в этой жизни стоят.

Результатом двухнедельного «погружения в великое и вечное» всегда была заслуженная твёрдая тройка - к всеобщему облегчению и удовлетворению.

Прошло несколько лет. У Олега Ивановича появились настоящие талантливые ученики, от которых не было отбоя. Многие родители были готовы на всё, чтобы у их чада преподавал скрипку известный Уколов. Ему давно уже предлагали отдать своего первого ученика кому-нибудь другому, освободив место для денежных репетиционных занятий с абитуриентами. Но он эти инициативы всегда безапелляционно отвергал, оставаясь по-прежнему работать в школе на полставки. Однажды, когда юноше исполнилось двенадцать лет, учитель сделал ему подарок. Это была отечественная шестиструнная гитара редкого хорошего качества. А впридачу несколько простых аккордов, которыми можно было «слабать» добрую половину популярных советских песен тех лет.

- Друг мой, что-то мне подсказывает, что скрипку ты забросишь на антресоли на следующий день после окончания школы. Но я дам тебе в руки то, что не только изменит и разнообразит твои музыкальные навыки, но и придаст тебе, как начинающему мужчине, определённый шарм, гарантирующий неизбежный успех у девушек в будущем. А это, поверь мне, пригодится в жизни гораздо больше.

Теперь уроки стали почти полностью посвящаться занятиям по гитаре; у юноши появился искренний интерес и определённые успехи. А у родителей мальчика - головная боль от бесконечных трёх аккордов, доносившихся из комнаты сына, и переживание за учёбу.

Через год усердных репетиций парня пригласили играть на ритм-гитаре и клавишных в вокально-инструментальном ансамбле Клуба железнодорожников.

На заключительном академическом концерте по окончании музыкальной школы любимый ученик Уколова играл концерт Вивальди «ля-минор».

Там-там-там-там, тарарам-тарарам-тарарирам, рам-рам...

Играл как никогда старательно, но как всегда фальшиво.

А в зале среди преподавателей и зрителей сидели и «утирали слёзы» по своим совершенно разным причинам три человека: мама мальчика, его учитель Олег Иванович Уколов и директор школы Сергей Петрович Волосков.